

L. I. Grishaeva (Voronezh) TEXT COHERENCE AND ACTIONAL CHAINS

The paper considers actional chains in German narrative texts. The fundamental role of verbal actional chains in creating text coherence and correlation with the knowledge of the outer world is stressed.

КОГЕРЕНТНОСТЬ ТЕКСТА И АКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ

Когерентность признается практически всеми лингвотекстологами категорией текста, имманентной его природе. Показательным в этой связи можно признать одно из последних обобщений исследований по данной проблематике в (Heinemann, Heinemann 2002). И здесь, как и во многих других трудах по текстограмматической проблематике, когерентность называется одним из основополагающих признаков текстуальности наряду с шестью другими: когезией, интенциональностью, акцептируемостью, информативностью, ситуативностью, интертекстуальностью (ibid.: 94-95).

С момента оформления лингвистики (а также грамматики) текста в 1960-е годы в самостоятельное исследовательское направление это положение было неоднократно верифицировано на разнообразном материале разными приёмами с помощью различных методик. С тех пор тщательно описан вклад номинативных, коннотативных цепочек, прономинализации и др. языковых средств, а также разнообразных способов их аранжировки в текстовом целом, вклад названных образований в достижение когерентности текстов разных типов на микро- (сверхфразовое единство – СФЕ) и макроуровне (блок/-и СФЕ и текст в целом). При этом в центре исследовательского внимания находились, как правило, средства обозначения отдельных элементов действительности (предметов, сущностей, характеристик, отношений и т. д.), ср.: изучение номинативных, топикальных, коннотативных цепочек, по-прежнему доминирующее в текстолингвистических исследованиях.¹ Практически обделенными специальным вниманием исследователей-лингвотекстологов оказываются при этом средства с иным номинативным потенциалом – в первую очередь, средства обозначения ситуаций, которые в тексте выступают, как правило, в качестве текстом, т. е. компонентов целого, неотъемлемого от

---

¹ В связи с практически необозримым в пределах небольшой статьи количеством специальной литературы по проблемам лингвистики/грамматики текста, а также по причине общеизвестности в научных кругах соответствующих трудов не представляется целесообразным упоминать в данном контексте отдельные работы по названным проблемам или аспектам анализа текста как объекта лингвистического описания.

своего окружения, которые имеют разнообразные синтаксические, семантические, прагматические маркеры синсемантичности текстемы как компонента текстового целого, ср. семантическую и грамматическую синсемантичность как текстем в тексте, так и компонентов сложного предложения (иллюстрация приводится на немецком языке, поскольку ряд структурных особенностей – прежде всего порядок слов, топология финитного глагола как в простом, так и в сложном предложении, согласование временных форм, употребление артикля, прономинализация – четко маркируют синсемантичность соответствующих компонентов текста и составляющих его текстем):

(a) *Was ist passiert, wenn ein Trabbi bei Grün noch an der Ampel steht?*

Der Mercedes hinter ihm hat die Lüftung eingeschaltet. (Die besten Witze aus der DDR, 104)

(b) **Der Mercedes hinter ihm hat die Lüftung eingeschaltet.*

Was ist passiert, wenn ein Trabbi bei Grün noch an der Ampel steht?

(c) **Wenn ein Trabbi bei Grün noch an der Ampel steht, was ist passiert? Der Mercedes hinter ihm hat die Lüftung eingeschaltet.*

(d) **Was ist passiert, der Mercedes hinter ihm hat die Lüftung eingeschaltet. Wenn ein Trabbi bei Grün noch an der Ampel steht.*

(e) **Was ist passiert? Der Mercedes hinter ihm hat die Lüftung eingeschaltet, wenn ein Trabbi bei Grün noch an der Ampel steht.*

Невозможность перестановки текстем в приведенном в качестве примера тексте вытекает не столько из того, что во второй текстеме имеет место прономинализация (*ein Trabbi* → (*der Mercedes*) *hinter ihm*), сколько из комплекса маркеров текстуальности, к примеру, временная форма событийного глагола *passieren*, последовательность речевых действий (вопрос → ответ, а не наоборот), знание о причинно-следственных отношениях между отдельными действиями и их результатами (*Lüftung, einschalten*), знание о месторасположении натур- и артефактов, социокультурных символов и других культурно релевантных особенностей и пр. (*Ampel, (bei) Grün, Trabbi, Mercedes, an der Ampel stehen*) – см. подробный комментарий к сказанному в (Гришаева 2006).

Приведенные трансформации свидетельствуют, что текст не складывается из отдельных словоформ; он, будучи конечным коммуникативным продуктом речемыслительной деятельности в определённых дискурсивных условиях, не представляет собой простую арифметическую сумму входящих в него элементов, от перестановки которых ничего не меняется. В тексте, напротив, любое изменение в порядке следования элементов даже в пределах одной текстемы значимо и сказывается, в конечном итоге, на перлокутивном эффекте от восприятия текста в целом. Например, «классическая» фраза из «ОПЕРАЦИИ “Ы” И ДРУГИХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ШУРИКА» Леонида Гайдая: «Надо, Федя, надо!», – приобретает совершенно иной смысл при перестановке отдельных элементов или же при элиминировании, казалось бы, избыточного, ср.: «Федя, надо, надо!», или «Надо, надо, Федя!», или «Надо, Федя!», или «Надо, надо!». Другими словами, изучение того, каким образом сочленяются в тексте и в текст друг с другом текстемы как коммуникативные целостности на сегодняшнем этапе изучения текстограмматических закономерностей может и, очевидно, должно быть признано первостепенной задачей на современном этапе изучения текста и принципов его организации.

Это умозаключение следует акцентировать потому, что вербальная коммуникация между людьми осуществляется посредством предложений (высказываний), представляющих собой структурированные смысловые и формальные комплексы с богатым конвенциональным функциональным потенциалом. Каждое из предложений (высказываний) является, кроме того, формой выражения речевого действия; последние в реальной интеракции в абсолютном своем большинстве подчинены достижению неязыковых целей и включены в широкий контекст неречевых действий. Текстемы как строительные кирпичики для текстового целого становятся в тексте когерентными в силу ряда своих фундаментальных свойств – номинативных, грамматических (морфологических, синтаксических) прежде всего, – описанных как таковые более или менее детально в отдельных теориях – см. подробнее аргументацию в (Гришаева 2006: 245-249).

Осознание упомянутых характеристик текста и составляющих его компонентов приводит к необходимости изучать закономерность организации текста через единицы, представляющие собой номинативно-коммуникативный функциональный комплекс, ко-

торами реализуется и фиксируется речевая деятельность. Этот способ достижения когерентности можно назвать организацией текста через акциональные цепочки, и их текстоорганизующие потенции нуждаются в тщательном изучении и детальном описании.

Между тем роль акциональных цепочек в организации текста до сих пор изучена мало, поскольку данный ракурс анализа способов достижения когерентности пока ещё находится в стадии осмысления в качестве научной проблемы (Гришаева 1998; 2002; 2006). Акциональными данные цепочки называются потому, что они объединяют в тексте разноуровневые и разнообразные средства обозначения разных действий, включая в себя в качестве отдельных звеньев прежде всего глагольные предложения, а также иные средства обозначения действий, референтом которых являются ситуации, а логическим и когнитивным аналогом – пропозиции (Гришаева 1998: 168-172). Эти средства, как правило, не относятся к одной и той же узкой тематической (понятийной) сфере, как это имеет место большей частью в номинативной или коннотативной цепочках, а также при прономинализации и темарематической прогрессии, также прошивающих текст в целом.

Одним из объяснений недостаточного внимания к изучению акциональных цепочек можно признать тот факт, что лингвотекстологи прилагали максимум усилий, чтобы выявить основные закономерности организации текста, определить признаки/категории текста и описать средства достижения когерентности в текстах разного типа. С этой точки зрения организация текста акциональными цепочками не противоречит закономерностям, выявленным на другом материале. Однако если задаться вопросом об основаниях для организации текста через номинативные и акциональные цепочки, то выяснится, что они принципиально разные.

Так, номинативные цепочки складываются в текстовом пространстве на основании идентичности референта, каковым являются отдельные элементы внеязыковой действительности; поэтому отдельные звенья такой цепочки, как правило, более или менее предсказуемы в силу принадлежности всех способов именованного этого референта к одной и той же понятийной сфере; ср.: *мальчик – он – ребенок – сын – ученик начальных классов* и т.п. Длина номинативной цепочки варьируется в зависимости от типа

текста и характера развития тема-рематической прогрессии в тексте и микротексте, т. е. в значительной мере от текстограмматических закономерностей.

Основанием для выявления акциональной цепочки в тексте в целом становится потребность обоих коммуникантов в степени детализации при именовании деятельности человека прежде всего, т. е. необходимость и/или обязательность в именовании либо деятельности, либо её отдельного вида/рода/типа/аспекта, либо действий по выполнению соответствующей деятельности, либо даже операций по реализации каждого конкретного действия. Поэтому длина акциональной цепочки в первую очередь зависит от объема разделяемых обоими коммуникантами знаний, от особенностей восприятия номинируемой адресантом ситуации и от интенции адресанта, т. е. от когнитивных и коммуникативных факторов, а не от в узком смысле текстограмматических (Гришаева 1998: 56-61, 31-36, 237-248) (см. примеры ниже). Звеньями акциональных цепочек становятся разностатусные средства обозначения ситуаций/положений дел, которые в ряде случаев одновременно являются и речевыми действиями.

Сказанное побуждает обратиться к анализу текстоорганизующих потенций глагола. Пренебрежение к анализу текстоорганизующих потенций глагола и соответствующего глагольного предложения, имеющее место в специальной литературе, тем более удивительно, что целью изучения текста и предметом текстограмматических исследований провозглашается изучение когерентности и средств её установления, то есть изучение того, каким образом текст становится единым целым в синтаксическом, семантическом и прагматическом отношении. Удивительным поэтому представляется то, что обращение к принципам установлению когерентности текста через номинативные и/или коннотативные цепочки, равно как и через отдельные грамматические средства (модальности, темпоральности, персональности и т. д., каузальности, финальности, локативности и др.), через повторы и т. п., как и прежде, ставит в центр текстограмматического исследования (синтетическую или аналитическую) *словоформу*, какой бы природы она не была, носителем каких бы значений она не рассматривалась: лексического, грамматического, словообразовательного или всех вместе. Другими словами, при изучении отдельных средств установления связности та или иная словоформа

вычленяется из некоторого единого целого и рассматривается как звено в некоторой цепочке, «прошивающей» весь текст или отдельный микротекст. В таких случаях в центре внимания преимущественно находятся отдельные семемы (при изучении номинативных цепочек) или семы (при изучении коннотативных цепочек), субстантивные или прономинальные лексемы либо группы существительных различной структуры, а также граммы и средства выражения логических отношений при выявлении средств установления связности грамматическими способами.

Выражаясь иначе, при описанном подходе в грамматике текста в фокусе лингвистического исследования, несмотря на теоретические обоснования текста как основной единицы лингвистического анализа, по-прежнему, как и много десятилетий назад, находится слово. Правда, контекст для анализа слова теперь в теоретическом¹ отношении кардинально меняется: если в традиционной лингвистике слово изучается первоначально на фоне рядоположенных ему сущностей, позднее – в группе слов той или иной структуры, далее – в семантической и/или синтаксической структуре предложения, то в грамматике текста таким контекстом (по сути – фоном) становится текстовое целое.

Между тем изучить вклад акциональных цепочек в установление когерентности текста означает детально описать, прежде всего, текстоорганизующие потенции глагольного предложения как средства обозначения ситуации (пропозиции) как минимального комплекса фрагмента картины мира и текстоорганизующих потенций глагола, конституирующего соответствующее предложение (Гришаева 1998).

Текстограмматические потенции глагола базируются на его способности предeterminировать своё окружение как в количественном (количество актантов и тем самым количество членов предложения в структурном минимуме, и, следовательно, объём текстемы), так и в качественном (семантико-денотативные характеристики актантов, их морфологическая форма, синтаксические функции и семантико-функциональные особенности).

---

¹ В этом контексте целесообразно подчеркнуть именно теоретический аспект, поскольку на практике, как показывает анализ и интерпретация примеров в трудах «до-текстового» периода, лингвисты имплицитно учитывали контекст такого объёма, какой им был необходим для максимально полного описания изучаемой единицы.

Глагол как семантическая единица также способна устанавливать контактные или дистантные связи с пред- или посттекстом на основании своей лексической семантики и грамматических особенностей, предопределяя тем самым различные конфигурации в способах достижения когерентности текста и в конечном итоге перлокутивный эффект от текстового целого.

Текстоорганизующая функция глагольного предложения заключается в том, что в тексте образуются своего рода глагольные цепочки, которые, однако, связывают по семантическим, синтаксическим и прагматическим основаниям не отдельные лексемы в пространстве текста, а текстемы, СФЕ, блоки СФЕ и микротексты. Следовательно, установление связности через глагол обладает большей текстоорганизующей силой, нежели установление связности через иные единицы.

Ещё одним аргументом в пользу сделанного вывода может служить тот факт, что ситуативно обусловленная манипуляция с разными объектами действительности хранится в социальных эталонах выполнения деятельности человека. Сведения о них, как правило, эксплицируются как минимум предложением, именующим ситуацию, т. е. деятеля, объект его деятельности, нередко и сопутствующие ему обстоятельства, в их когнитивно значимой и рекуррентной в определённой культуре связи, ср.: *упражнение – Студенты упражняются в грамматике.*

Связность через глагольные цепочки можно интерпретировать как в текстограмматическом отношении иерархически более высокую, поскольку номинативные и коннотативные цепочки являются результатом замещения/незамещения приглагольных позиций единицами с теми или иными лексико-семантическими особенностями. Однако выявление того, в каких отношениях находятся между собой способы установления связности текста через глагольные, номинативные и коннотативные цепочки, все ещё остается задачей практического описания конкретных типов текстов и теоретического осмысления полученных результатов.

Анализ установления когерентности текста через акциональные цепочки, образуемые разнообразными средствами обозначения видов/типов/родов/аспектов деятельности человека; см. подробности в (Гришаева 1998, 132, 137-172), позволил выявить ряд соответствующих способов и типов. Сказанное можно проиллюстрировать одним примером. Насколько значимым в теоретическом

и практическом отношении является изучение текстоорганизующих потенций глагола показывает, что глагольное предложение одного типа (*Jemand benimmt sich wie*) может реализовать в пределах одного СФЕ различные способы организации текста в опоре на особенности глагола как структурного центра предложения и на номинативные потенции предложения как имени ситуации. Так, в новелле А. Полгара «ВЕДИТЕ СЕБЯ ПРИЛИЧНО» (Alfred Polgar “*BENEHMEN SIE SICH ANSTÄNDIG!*”) анализ позволил выявить семь разных способов организации текста через предложение с глаголом поведения, причём лексико-грамматический состав и номинативно-коммуникативные характеристики соответствующих предложений одинаковы; см. подробнее в (Гришаева 1998). Ниже в одном микротексте представлены два типа текстоорганизующих потенций анализируемых единиц, причём первая текстема устанавливает связь с пред- и посттекстом через глагольные актанты, а пятое – организует одно СФЕ в пределах другого. Любопытно, что в анализируемом макротексте зарегистрированы также другие способы организации текста через глагольное предложение, конституируемое глаголом *sich benehmen*. Напомним, всего в макротексте семь предложений такого типа, считая и заголовок: (1) *ИМПАК -*; (2) *EXP К К-К*; (3) *EXP АК АК-АК*; (4) *EXP АК АК-К*. Условные обозначения, использованные ниже: *А/К/АК* – анафорическая/катафорическая/анафорико-катафорическая связь через глагол, *А/К/АК* – анафорическая/катафорическая/анафорико-катафорическая связь через глагольные актанты; *EXP/ИМПАК* – наличие/отсутствие акциональной цепочки в пред- и пост-тексте анализируемой текстемы.

Im Gerichtssaal muß sich jeder anständig benehmen¹, (ИМПАК -) auch der Inkulpat. Für ihn wird man keine Extrawurst braten. Gleiche Pflicht-en für alle. Der Angeklagte, von dem hier die Rede ist, hätte sich ein Beispiel nehmen können an dem Verhalten der übrigen Darsteller im Justizschauspiel. Jeder, ihn ausgenommen, benahm sich anständig (EXP К К-К). Der Vorsitzende verlas mit ruhiger, affektloser Stimme das Ur-

¹ В приведенном примере одной линией подчеркивается носитель действия = синтаксический субъект при носителе валентности *sich benehmen*, двумя чертами – предикат как носитель валентности, волнистой линией – обстоятельство образа действия, пунктирной линией – обозначения составляющих поведение одного и того же субъекта поведения в определенных условиях.

teil, die Mitglieder des Gerichtshofes hielten in Selbstbeherrschung ihre Häupter, die so schweren Entschluss gefasst hatten, aufrecht, der Schriftführer führte Schrift, als wenn nichts geschehen wäre, sogar der Saaldiener, obschon nur ein schlichter Mann aus dem Volk, blieb im Gleichgewicht (wie die Waage der steinernen Gerechtigkeit, die auch nicht das Kleinste bisschen schwankte), der Staatsanwalt zeigte beste Haltung, die Geschworenen dämmten den Sturm der Gefühle, der hinter ihren Westen toben mochte, auf das taktvollste zurück, die Justizsoldaten verrieten mit keinem Mienenzuck, was in ihren vorging, kurz, alle nahmen die zwanzig Jahre Zuchthaus gefasst hin. Nur der Angeklagte schrie.¹

Выделенные средства обозначения действий образуют акциональные цепочки, текстоорганизующая мощь которых может быть разной: (а) ограничиваться одним СФЕ, (б) соединять одно или несколько контактно/дистантно расположенные СФЕ в блок СФЕ, (с) соединять блоки СФЕ в тексте, примеры с детальным анализом см. в (Гришаева 1998: 137-172, 172-180). В примере, приведенном выше, реализованы текстоорганизующие потенции глагольных предложений типа (а) и (б).

Как показал специальный анализ, в отличие от упомянутых средств достижения когерентности текста наличие/отсутствие соответствующих действий в акциональной цепочке зависит в первую очередь не от текстограмматических, а от когнитивных и коммуникативных причин, тесно связанных со способом реализации дискурсивных стратегий в тех или иных дискурсивных условиях (Там же).

Специальное изучение текстоорганизующей функции предложений с глаголами поведения (Гришаева 1998) позволило выявить несколько способов достижения когерентности текста на микро- и макроуровне через акциональные цепочки, т. е. через глагольные предложения как средства именованной ситуации. Это

---

¹ В приведенном микротексте имеется СФЕ, организуемое предложением, конституируемым глаголом *sich benehmen*: глагол поведения в силу своей семантики организует обозначения действий в единый семантический комплекс, конституируя тем самым и акциональную цепочку. Оценка действий как соответствие/несоответствие социальной норме, выраженная в предложении *Jeder benahm sich anständig*, относится к каждому из компонентов СФЕ и к СФЕ в целом.

дало возможность детально описать ряд существенных особенностей реализации текстоорганизующих потенций глагольных предложений. Целесообразно сравнить описанные выше принципы организации текста с другими, выявляемыми по иным основаниям, – средства выражения речевого акта (РА) «ЗАПРЕТ» и средства выражения секвенции РА «ЗАПРОС РАЗРЕШЕНИЯ – РАЗРЕШЕНИЕ». Такое сравнение стало возможным благодаря описанию текстоорганизующих потенций названных средств в рамках дипломных работ, защищенных под научным руководством Л. И. Гришаевой в 2008 г. (Александрова 2008; Богданова 2008).

Для этого в художественном тексте изучены пред- и посттекст речевых действий «ЗАПРЕТ» и «РАЗРЕШЕНИЕ» (в комплексе с запросом на разрешение) и определено, каким образом и насколько регулярно в пространстве художественного текста вербализуются сведения о предварительных и существенных условиях реализации названных речевых действий. Это связано с тем, что адресат художественного текста не может получить сведения о контексте, без которых ему затруднительно интерпретировать речевое поведение коммуникантов, ниоткуда иначе, как из самого текста. Данный этап анализа потребовался потому, что в каждой лингвокультуре существует довольно богатый набор средств выражения соответствующих речевых действий. Эмпирическая база составила по 300 СФЕ с РА «ЗАПРЕТ» и «РАЗРЕШЕНИЕ», извлеченных из художественных произведений с тождественными жанровыми, тематическими и эстетическими характеристиками на русском и немецком языках.

Необходимо отметить, что знания о возрасте, гендерной принадлежности, ролевых отношениях в микротексте выражаются разными способами:

1) лексической семантикой слов (существительные, прилагательные), которая позволяет отнести коммуникантов к определённой возрастной, гендерной принадлежности и выявить ролевые отношений между ними. Например:

- лексемы *старик*, *мадемуазель* своей лексической семантикой дают читателю сведения о гендерной и возрастной принадлежности коммуникантов;

- лексема *король* обозначает не только гендерную идентичность коммуниканта, но и его статус в инфраструктуре социальных отношений;

2) лексической семантикой группы слов. Например:

- в словосочетании *маленькая хозяйка* лексема *маленькая* в купе со сведениями из пред- и/или посттекста создаёт у читателя четкое представление о принадлежности одного из коммуникантов к возрастной категории, а лексема *хозяйка* – о статусе и гендере коммуниканта;

- словосочетание *мой дорогой друг* активизирует у читателя знания о гендерной идентичности, ролевых отношениях и социально-психологической дистанции между коммуникантами и т. д.

Тем самым активизация сведений из пред- и посттекста позволяет адресату адекватно интерпретировать коммуникативную ситуацию, а исследователю – выявлять звенья акциональной цепочки, образуемой средствами вербализации сведений о предварительных и существенных условиях того или иного РА. Поэтому можно утверждать, что предложение, выражающее РА «ЗАПРЕТ», обладает определённым текстоорганизующим потенциалом. Это связано с тем, что сведения о предварительных и существенных условиях этого РА содержатся в пред- и/или посттексте анализируемой текстымы, и благодаря цельности, смысловой связности и тематическому единству текста становится возможным проследить внутритекстовые связи между контактно и/или дистантно расположенными текстами (предложениями) или отдельными компонентами этих предложений, а также СФЕ или блоками СФЕ.

Анализ показывает, что в художественном произведении эти сведения, как правило, вербализуются в предтексте. Характерно, что сведения о коммуникантах (возраст, социальный статус, социально-психологическая дистанция между ними) в большинстве случаев представлены в тексте при введении персонажа в действие. Поэтому средства выражения этих сведений – независимо от их лингвистически значимых характеристик – устанавливают связь с посттекстом, на каком бы удалении в тексте они ни находились. Получается, что одна текстыма может одновременно устанавливать контактную и/или дистантную связь с

несколькими СФЕ прежде всего с теми, в которых содержатся сведения о предварительных и существенных условиях.

Когнитивной основой для установления внутритекстовых связей текстами анализируемого типа является владение обоими коммуникантами – автором художественного текста и читателем этого произведения – сведениями о предварительных и существенных условиях, реализующих РА запрета. Характерных особенностей при организации СФЕ текстомой изучаемого типа не выявлено, ср. описанные выше особенности организации текста акциональными цепочками. Таблицы 1 и 2 ниже (Богданова 2008) обобщают наблюдения над способами установления внутритекстовых связей текстомой = РА запрета. Последняя может располагаться как в одном СФЕ вместе со сведениями о предварительных и существенных условиях РА, так и в разных СФЕ. Условные обозначения: «+» – очень часто в проанализированном материале, «+/-» – редко, «-» – в единичных случаях.

Таблица 1.

Сведения	Микротекст	Предтекст	Посттекст	Пред- и посттекст
Возрастные отношения	+	+	+/-	+/-
Позиционные отношения	-	+	+/-	-
Социально-психологическая дистанция между коммуникантами	+/-	+	+/-	+/-

Таблица 2.

Существенные условия РА запрета в организуемом СФЕ		
В начале СФЕ	В середине СФЕ	В конце СФЕ
-	+	+/-

Установлено, что языковые средства с семантикой разрешения обладают текстоорганизующими потенциями. Языковые средства образуют микротекст, который анафорическими и катафорическими связями соединен с пред- и посттекстом. Микротекст, или иными словами сверхфразовое единство, содержит как минимум следующие единицы:

- предложения, выражающие запрос разрешения;
- предложения, выражающие собственно разрешение.

В предтексте соответствующего СФЕ дается информация, без которой часто невозможно понять реальные условия реализации анализируемого РА. В предтексте присутствует информация о возрасте, гендерной идентичности, ролевых отношениях между коммуникантами, которые находятся в определенных позициях и соотношениях относительно друг друга, что и вызывает необходимость у адресанта производить запрос на выполнение желаемого действия, а не совершать его самостоятельно.

Таблица 3.

Сведения о	Предтекст	Микротекст с РА разрешения	Посттекст
гендерной идентичности	12%	85%	3%
возрасте	53%	42%	5%
ролевых отношениях	65%	29%	6%

Таблица 4.

Сведения о:	Активизация сведений в		
	Предтекст	Микротекст	Посттекст
гендерной идентичности	5%	93%	2%
возрасте	58%	37%	5%
ролевых отношениях	60%	34%	6%

Определено, что СФЕ (микротекст) анализируемого типа имеет связи и с посттекстом, который, как правило, даёт сведения о степени успешности совершенного речевого действия. После запроса на разрешение и положительной реакции, которая может быть как вербальной, так и невербальной (необходимо отметить, что реакция всегда положительна, иначе бы речь шла не о РА разрешения, а о вопросительном предложении), следует выполнение того действия, на выполнение которого и был произведен запрос. Таблицы 3 и 4 (Александрова 2008) обобщают сведения о способах установления внутритекстовой связи текстомой, выражающей РА «РАЗРЕШЕНИЕ».

Таким образом, очевидно, что значимыми для организации текста могут быть не только сведения о социальных эталонах выполнения деятельности, но и знания о предварительных и существенных условиях осуществления РА того или иного типа. При этом ясно, что мощьность внутритекстовой связи может охватывать весь текст в целом, причём контактность расположения соответствующих сведений не является обязательной.

Обобщая результаты анализа способов организации текста акциональными цепочками, целесообразно отметить следующие важные в теоретическом отношении выводы.

Когнитивной основой для организации акциональной цепочки является сведения, которыми владеют коммуниканты о социальных эталонах выполнения действий. Эти сведения касаются, прежде всего, наиболее значимых компонентов деятельности: *цель, мотив, последовательность* выполнения действий, реализация которых обеспечивает осуществление конкретной деятельности, а также *операций* по выполнению этих действий и др. Владение такими социальными эталонами выполнения действий и принципами варьирования этими эталонами применительно к актуальным коммуникативным условиям позволяет адресанту при порождении текста эксплицировать с помощью разнообразных языковых средств только те компоненты соответствующей акциональной цепочки, которые необходимы и достаточны для того, чтобы адресат мог адекватно интерпретировать сведения, даже если они не эксплицируются с помощью языковых средств.

Звенья акциональной цепочки – это средства номинации деятельности, действий, операций по выполнению действий, степень полноты и детальности обозначения которых зависит от того, как адресант воспринимает номинируемую ситуацию, а также от того, как он оценивает объём разделяемых с адресатом знаний о мире.

Организация СФЕ или блока СФЕ в текстовом целом акциональными цепочками характеризуется тем, что для них более значимыми оказываются когнитивные и коммуникативные факторы (в том числе и выбор стратегии восприятия номинируемой ситуации, стратегии взаимодействия с коммуникантом и др.), чем собственно текстограмматические закономерности. Текстуальность и когерентность становятся с этой точки зрения производными от реализации стратегий взаимодействия, а не от необходимости следить при порождении текста за идентичностью референта, к примеру.

Мощность внутритекстовой связи через акциональные цепочки такова, что одна цепочка может устанавливать связь с несколькими СФЕ и/или блоками СФЕ, организованных в том числе и на иных основаниях, нежели описанные.

Полученные обобщения, естественно, требуют дальнейшей верификации на другом материале. Однако и эти данные значимы не только в сугубо текстограмматическом смысле: изучение текста в предложенном ракурсе может дать дополнительные сведения относительно критериев разграничения текста и дискурса, а также методически значимые рекомендации для анализа текстоорганизующих потенциалов языковых средств с разными характеристиками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Т. Г. Тексторганизующие потенциалы языковых средств с семантикой разрешения: Дипломная работа. – Воронеж, 2008. – 108 с. (Научный руководитель – Л. И. Гришаева)
2. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 168 с.
3. Богданова И. С. Функции языковых средств с семантикой запрета в художественных текстах: Дипломная работа. – Воронеж, 2008. – 106 с. (Научный руководитель – Л. И. Гришаева)

4. Гришаева Л. И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. – Воронеж: ВГУ, 1998. – 272 с.
5. Гришаева Л. И. Текстограмматические потенции глагола // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. – Том 2. – М.: Языки славянской культуры, 2006 – С. 242-253.
6. Гришаева Л. И. Тексторганизующая роль глагольных предложений // Вестник МГЛУ. Реализация междисциплинарной парадигмы в различных типах текста / Ред. Н. И. Рахманова. – Вып. 465. – М., 2002. – С. 41-55.
7. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik. Interaktion – Text – Diskurs. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2002. – 281 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Polgar A. “Benehmen Sie sich anständig!” // Die Mission des Luftballons. Skizzen und Erwägungen. – Berlin: Volk und Welt, 1975. – 643 с.
2. Die besten Witze aus der DDR. – Wien: Tosa Verlag, 2003. – 168 с.

Получено 10.10.2008

Гришаева, Людмила Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Воронежского государственного университета; grischaewa@rgph.vsu.ru